

История одного лейтенанта

Который выжил и долгие годы был редактором нашей газеты

Кажется, что я слышу эхо боя, чувствую запах горелой ржи и вижу упавшего навзничь молодого человека с окровавленным лицом. Это герой моего рассказа лейтенант Иван Дремлюга. Рядом с ним — убитый друг Колька, который совсем недавно шутил и смеялся, стараясь поднять настроение бойцам перед атакой. «Командир, мы тут решили поросенка завести, — шутил балагур, — назовем его фюрером, будем откармливать!». Бойцы хохотали, забыв о том, что через несколько минут им идти в бой. С такими шутниками было легче и веселее жить. Теперь Николай лежит рядом, а командир не может даже последний раз взглянуть на него, потому что сам тяжело ранен. «Не вижу, ничего не вижу, — дикая боль пульсировала в голове и пронизывала все тело, — вот и конец. И вся жизнь перед глазами...»

Молодые лица солдат раскраснелись от напряжения. Ухватившись за выступавшие над водой щит, колесо и станину, они раскачивали, приподнимали орудие, но поставить

«Я вернусь, мама!»

...В семье родовых кубанских казаков по фамилии Дремлюга из станицы Новороговской Егорлыкского района все мужчины были не робкого десятка. А еще любили петь и плясать. Вот и Ваня с детства участвовал в школьной художественной самодеятельности, пел, танцевал, играл в духовом оркестре. Ребятишки любили веселого мальчишку, который всегда был заводилой в шумных компаниях.

Окончив десятилетку, Ваня ушел по набору в ростовское военное артиллерийское училище. Весело и интересно было! Казалось, все впереди, жизнь только начинается. Рядом — верные друзья, дома ждет любимая девушка Прасковья, которая никогда не предаст...

В июне 41-го страшная весть о войне не напугала мальчишек-курсантов, а даже как-то обрадовала: покажем себя, поедим на фронт! Не знали вчерашние школьники, что война — это не повод для героизма, а кровь и боль.

В июле Ивану Антоновичу и его сокурсникам присвоили звание лейтенантов и отправили на передовую.

Боевое крещение лейтенанта

Свой первый бой командир взвода противотанковых орудий Дремлюга запомнил на всю жизнь...

...Пули прилетали с поросшей соснами вершунки холма, уткнувшегося пологим голым склоном в излучину тихой лесной речки. Прорвавшись сквозь листву прибрежного ивняка, они устремлялись на мелководье — к красноармейцам, обступившим завалившуюся на бок и наполовину скрытую водой гаубицу. Ее за передок волокла к противоположному берегу шестерка крепких лошадей, которые, приседая и фыркая, изо всех сил тянули упряжь, но орудие, враз потерявшее грозность, а оттого какое-то несурзное и беспомощное, словно прилипло к речному дну. От людей к коням, разбрызгивая воду, метался командир артиллерийской батареи лейтенант Дремлюга.

В задачу батареи входило оказание поддержки нашим частям, уничтожение живой силы и огневых средств наступавшего врага, разрушение его полевых укреплений. Пока все складывалось удачно: постав-

ленные задачи выполнялись, из личного состава никого не потеряли. В непосредственный контакт с гитлеровцами не вступали, стреляли с закрытых позиций. Их приходилось довольно часто (для таких тяжелых орудий, как гаубицы) менять, что сделать было не-

просто из-за сложного рельефа местности, а в особенности из-за того, что орудия были на конной тяге.

Иван, привыкший с детства к тяжелому крестьянскому труду, с удовольствием делал эту черную военную работу. Ему нравилась артиллерия, завораживала непреклонность логики точного математического расчета и незамедлительного потрясающего эффекта от уничтожения цели. Когда на его команду пушки откликнулись мощным басом, ему хотелось в ответ им закричать, в тот момент ему казалось, что он бог войны.

Откуда здесь взялись эти чертовы фашисты? Лейтенант хмурил черные стрелки бровей, его мозг, подхлестываемый визгом пуль, искал решение. По данным разведки, немцы находятся в 20 километрах отсюда. Но вот же они — на трех мотоциклах. Разведгруппа? Дистанция метров сто пятьдесят, ближе не подходят. Немецкие солдаты стреляли из автоматов короткими очередями по всему, что, на их взгляд, таило опасность: по кустам, по копошившимся в речке артиллеристам, по другому берегу, на который успели переправиться три орудийных расчета.

Вражеские пули, посвистывая, вонзались в воду, щелкали о механизмы гаубицы. Как назло, она застряла в болоте и никак не поддавалась.

его на колеса не хватало сил. Мешали этому и лошади, которые, дергая вразнобой, стремились к берегу, оттого гаубица,

едва приняв нормальное положение, вновь заваливалась на бок.

— Товарищ лейтенант, убьют ведь нас, бросим пушку и уйдем, — крикнул один из бойцов.

Иван почувствовал, что солдаты уже простились с жизнью, но допустить поражения в схватке он не мог: «Отставить разговоры! Застрело! Навались!».

Угрожая пистолетом, лейтенант выводил людей из губительного оцепенения, заставлял двигаться, но спасительный берег приближался слишком медленно.

Смертоносные шмели-пули жалили все точнее: повалился лицом в воду убитый наводчик, жалобно ржал раненый конь золотистой масти. Прозрачная вода окрасилась невиданным в этих глухих местах кровавым цветом, вниз по течению, клубясь как дым, потянулся

бурый шлейф. Взметая фонтаны брызг, подскочили солдаты другого расчета, спешившие на помощь. Они привели орудие в походное положение, потом на руках, практически без помощи обессилевших лошадей, вытолкали на прибрежную полосу. Подстреленную лошадь выпрягли. Оставшаяся пятерка тяжеловозов укатила подпрыгивающую на корнях огромных елей и берез гаубицу в глубину леса. Пригибаясь и отстреливаясь, лейтенант почти уже выбрался на берег, как его сразила автоматная очередь.

Снова — на фронт

Пролежав в госпитале четыре месяца, лейтенант Дремлюга снова отправился воевать. Впереди были еще бои под Москвой, освобождение Смоленской, Тульской областей. В январе 1942-го — новое ранение, снова четыре месяца в госпитале и опять — фронт.

Сталинград... Самое страшное пекло войны. Именно здесь Иван Антонович получил первую высокую награду — орден Красной Звезды.

Бои здесь были настолько тяжелыми, что после пяти-шести атак погибали целые батальоны. Советские войска оказались прижатыми к Волге. Немцы по громкоговорителям предлагали сдаться.

Всю свою жизнь помнил те тяжелые часы Иван Антонович. Снарядов катастрофически не хватало. У него в пистолете оставалось четыре патрона, а впереди — целая ночь и неизвестность. Утром с того берега заговорили катюши, сотни огненных снарядов полетели в сторону немцев. Началось переформирование частей, подошло пополне-

ние. В это же время подписали приказ Сталина о том, что «за Волгой для нас земли нет».

Очень тяжело было воевать в самом городе, где ты постоянно на виду, отовсюду может появиться враг, каждый угол, подъезд дома, улица опасны.

Самым разрушительным бедствием были бомбежки, в которых очень сложно остаться в живых. А если выжил, тяжело видеть, как рушатся дома с мирными жителями, как стираются с лица земли целые улицы, кварталы. Для Ивана Антоновича понимать, что такой город превращается в руины, было просто невыносимо.

И не раз умирал

В июне 1943-го И. А. Дремлюга был назначен командиром 7-й батареи 155-го Гвардейского Краснознаменного артиллерийского полка. Советские войска решительно наступали. В сентябре 1943-го форсировали Днепр, бои были очень тяжелыми. Именно тогда прямым попаданием в орудие были убиты несколько человек, в том числе балагур и весельчак Колька, а лейтенант Дремлюга получил страшное ранение.

В госпитале в бреду он шептал: «Скорей, скорей на фронт! Там мои ребята».

«Успокойся, сынок, день-два полежишь и пойдешь», — утешала его нянечка, у которой при взгляде на искалеченного парня текли слезы.

Для кого-то этот бой кончился, но для Ивана Дремлюги он продолжался. Тяжелый госпитальный бой за лицо, изуродованное осколком, за зрение. Этот бой он вел вместе с врачами, которые поразились его мужеству и неодолимому желанию жить.

Целый год солдат не мог ни разговаривать, ни есть. Попили и кормили его через специальное приспособление. С декабря 1943-го по февраль 1945-го лечился Иван Дремлюга в свердловском госпитале. Одиннадцать операций ему сделали за это время! Казалось, что вот-вот силы оставят, нет возможности терпеть эту страшную боль...

«Трус ты, Иван, оказывается, — думал про себя лейтенант, лежа на больничной койке, — люди в самолетах горят, на танки с пистолетом бросаются, а ты боли испугался! Жить во что бы то ни стало!»

Выжил!

После войны женился на любимой своей Прасковье Даниловне, которая, конечно, дождалась. Работал ответственным секретарем одной из кубанских газет, редактором в Азовском районе, в Белой Калитве. В 1955 году приехал в Донецк, не ошибусь, если скажу, что именно он создавал городскую газету. Многие, в том числе мы, сотрудники «Донецкого рабочего», помнят редактора Ивана Антоновича — замечательного человека и талантливого журналиста...

Можно попытаться разделить жизнь Ивана Антоновича Дремлюги на две части — войну и мир. Но не делится на две половинки эта цельная, прекрасная жизнь — жизнь человека, воевавшего за Родину и не сделавшего ни шагу назад.

Лилия Шептухова